

Невозможное возможно. Модернизация Польской академии наук

Д. Антонович*

После ликвидации «железного занавеса» Польская академия наук получила значительную автономию как высший профессиональный научный орган. Именно тогда была предпринята попытка воплотить в жизнь идею самоуправления в сфере фундаментальной науки, и баланс власти в ней сдвинулся в сторону академической олигархии. Недавняя реформа Польской академии наук, направленная на повышение эффективности использования человеческого потенциала и результативности исследовательской деятельности, способствовала не столько модернизации науки и высшего образования, сколько перераспределению властных полномочий в этой области. Изменение роли академического сообщества в научной политике стало причиной конфронтации, возникшей между руководством Академии и Министерством науки и высшего образования Польши.

* Антонович Доминик — преподаватель и научный сотрудник, Институт социологии, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша).
E-mail: dominik.antonowicz@uni.torun.pl

Реформа Польской академии наук (ПАН) повлекла за собой бурную полемику внутри академического сообщества. Любопытно, что дискуссии не распространились за его пределы, ведь подавляющая часть общества не проявляет интереса к проблемам подобного рода. Они кажутся ориентированными внутрь, надуманными или даже странными. С одной стороны, это вполне объяснимо: расходы на ПАН (включая исследовательские институты, входящие в ее состав) минимальны по сравнению, например, с затратами на социальное обеспечение. С другой стороны, ПАН представляет собой нечто большее, чем просто учреждение — это и научная организация, и символ самоуправления польской науки.

Статья охватывает более широкий перечень мер, нежели простая организационная реструктуризация. Она также касается весьма болезненного вопроса о меняющейся роли академического сообщества в разработке политического курса страны. В связи с этим мы представим исторический контекст формирования государственной политики Польши в сферах науки и высшего образования, а затем попытаемся увязать с ним современные реформы.

Взгляд на изменения в научной политике Польши

Чтобы понять цели модернизации ПАН, стоит обратиться к некоторым теоретическим инструментам, которые помогут разобраться в проведенных мероприятиях и оценить отношение к ним академического сообщества. Эффективный инструмент для такого анализа — треугольник координации Бартона Кларка [Clark, 1983]. Эта концепция появилась в начале 1980-х гг. и до сих пор не потеряла своей актуальности. В ней Б. Кларк выделил три основных центра формирования политики в рассматриваемой нами области: государство, свободный рынок и академическая олигархия. В некотором смысле любая реформа представляет собой процесс перераспределения влияния между этими независимыми игроками. Довольно трудно определить центр в данном треугольнике для Польши, но можно предположить, что он окажется между свободным рынком (в большей степени в сфере высшего образования) и научной элитой (в сфере науки). Роль правительства в этих секторах ограничена свободным рынком высшего образования (350 частными высшими учебными заведениями) и академической элитой. Так, начиная с распада коммунистической системы в 1989 г. оно стало проводить «политику отсутствия политики» в обеих областях. Министерство традиционно было пассивным участником, формально обладающим значительными властными полномочиями, которые оно практически не использовало. Академия наук, которая, в терминологии Б. Кларка, представляет научную элиту, несмотря на формально незначительную власть, пользуется большим уважением не только в академических кругах, но и в польском обществе, по крайней мере, в высших социальных стратах. Последние реформы в области

науки в целом и модернизация ПАН в частности стали попыткой изменить баланс сил в рамках треугольника координации. Данную попытку предприняло Министерство науки и высшего образования. За основу были взяты аналогичные модернизационные реформы, нацеленные на ослабление позиций академического научного сообщества. С 1968 г. такие процессы происходили во многих странах Западной Европы [Chevaillier, 2001; Clark, 1987]. В этих государствах традиционная власть научной олигархии и ее роль в разработке политики были поставлены под сомнение. На смену «власти профессии» пришла модель «нового государственного управления» [Hughes, 1998], предусматривающая концепцию *ответственности* государственного сектора. Модель нового государственного управления была призвана предоставить больше полномочий налогоплательщикам (гражданам) и увеличить личную ответственность ученых. Это потребовало выработки четких стандартов и критериев оценки работы, а также строгого внешнего контроля ее результатов [Watt, 1996; Niskanen, 1971].

На протяжении ряда лет «железный занавес» препятствовал выводу сфер науки и высшего образования Восточной Европы на международный уровень. Однако, несмотря на то, что в большинстве стран академические профессии стали вполне обычным видом занятости, Польша (как и другие государства на постсоветском пространстве) остается островом, где ученые до сих пор обладают значительной властью, а их деятельность не подлежит политической отчетности. Эта власть сосредоточена в таких профессиональных академических организациях, как ПАН. Академия не только аккумулирует элиту польской науки, но и как коллегиальный орган является сильным политическим актором, с которым должен считаться любой министр науки и высшего образования. В некотором отношении ПАН символизирует власть академического сообщества (точнее, власть научной олигархии). Именно поэтому модернизация академии должна восприниматься как перераспределение сил в треугольнике Б. Кларка.

Традиционная политика в области науки и высшего образования

Модернизация Польской академии наук представляет непростую задачу. Ключевые вызовы, связанные с недавно предпринятыми правительством реформами, берут начало в прошлом, в традиции: на протяжении всей драматической истории Польши научные круги сохраняли национальную культуру в обществе, лишенном государственности, и в этом их особая роль. Основы деятельности научных обществ были заложены в XIX в. Во времена отсутствия национальной власти они оберегали культурное и интеллектуальное наследие страны от влияния государств, разделявших Польшу. Одним из первых и наиболее известных объединений подобного рода было Общество друзей знания в Варшаве, вслед за которым появилось Краковское научное общество. При полном отсутствии самостоятельного Польского государства идея независимости

на протяжении всего XIX в. продолжала развиваться в объединениях, которые не подвергались влиянию государств-захватчиков. Научные общества прочно и глубоко укоренились в самом сердце польской культуры. Поэтому нисколько не удивительно, что одним из первых решений, принятых после обретения Польшей независимости, было официальное предоставление автономии и статуса правового субъекта академическому сообществу.

После 123 лет, проведенных под властью разделявших Польшу государств, ей удалось восстановить суверенитет. Соединились три территории, обладавшие разными институциональными традициями науки и высшего образования. Стоит отметить, что восстановлением польской науки (включая основание новых университетов) руководила именно академическая элита. В отличие от представителей вновь зарождающейся власти ученые обладали знаниями и компетенциями, позволявшими им построить новую институциональную среду в сфере науки и высшего образования в стране, которая была воссоздана заново. В этой новой среде научное сообщество должно было встать в центре процесса формирования политики, а государству отводилась роль инвестора. Подобные идеи нашли отражение на Первой генеральной ассамблее польской науки, которая состоялась в 1920 г. На собрании присутствовали все видные представители науки, а его задачей стало определение роли академического сообщества и правительства в разработке научной политики. У собравшихся не вызывало сомнений то, что только Генеральная ассамблея должна принимать стратегические решения в сфере науки, а функция государства должна ограничиться лишь поддержкой и содействием их реализации. Такое видение впервые обнародовал один из крупнейших ученых — профессор Станислав Кутжеба, который в то время был ректором Ягеллонского университета в Кракове. Говоря от имени научного сообщества, С. Кутжеба объявил, что *«государство должно оказывать поддержку науке, но при этом предоставить ей полную свободу»*. Он просил расценивать данное заявление как выражение воли академического сообщества. Эти позиции были поддержаны чуть позже (в 1927 г.) на второй Генеральной ассамблее польской науки. Одна из наиболее уважаемых фигур среди польских ученых, профессор Владислав Конопчинский, усилил высказывание С. Кутжебы, заявляя, что *«наука нуждается в свободе и финансовых ресурсах, предоставляемых государством, но никак не в управлении с его стороны»*. Изучив историю Генеральной ассамблеи польской науки, Петр Хубнер [Hubner, 2000] пришел к выводу, что речи С. Кутжебы и В. Конопчинского отразили общие настроения и надежды академического сообщества. Он также обнаружил, что в ходе большинства выступлений часто звучало и даже обсуждалось словосочетание «научная политика», но отнюдь не в контексте государственной политики в отношении науки и высшего образования. *Научную политику* рассматривали как институциональное развитие науки, осуществляемое академическим сообществом

на средства, выделяемые государством. Иными словами, под научной политикой подразумевались меры, реализуемые органами центрального государственного управления, но разрабатываемые преимущественно ведущими учеными. На практике именно Генеральные ассамблеи польской науки должны были определять направления научного развития, а государство — оказывать им административную и финансовую поддержку. При таком распределении сил государство не могло принять ни одного серьезного решения против воли академического сообщества [Hubner, 2000, 37].

Но этому медовому месяцу науки и государства пришел конец в начале 1930-х гг., когда новое правительство начало реализовывать свои авторитарные устремления. Традиционная научная политика, в формировании которой ключевую роль играло академическое сообщество, была навсегда забыта, подавленная растущей бюрократией и усилившимся государственным вмешательством. Авторитарное правительство 1930-х гг. стремилось лишить науку свободы, снизить институциональную автономию университета и исключить возможность самоуправления в академической среде. Принятый в 1933 г. закон о реформировании университетов стал символическим концом золотых десятилетий науки. Он завершил эпоху самоуправления в академическом сообществе и положил начало бюрократическому управлению в науке и высшем образовании. Все же, несмотря на жесткую политику по отношению к университетам и научному сообществу, идея самоуправления и доминирующей роли ученых в разработке политики не была ими окончательно забыта. В течение многих лет она идеализировалась и воспринималась как противовес политике «варварства». Традиционная роль ученых считалась «украденной» у академического сообщества авторитарными политиками и подлежала возвращению тем, кто был «ограблен».

Польская академия наук — ностальгия по традиционной роли академического сообщества

С окончанием Второй мировой войны воспрянули надежды на восстановление научной политики таким образом, чтобы ведущую роль в ее формировании играло академическое сообщество. К сожалению, тоталитарная власть не позволяла развиваться этим вновь возникшим устремлениям к самоуправлению науки, ведь все ключевые аспекты социальной и экономической жизни были подчинены политическим принципам коммунизма. Коммунистическая партия жестко контролировала все стороны социальной жизни и не признавала никаких форм академической свободы или профессионального самоуправления. Политический процесс в то время был полностью выстроен иерархически «сверху вниз». Академическое сообщество по определению воспринималось как потенциальная угроза для системы, в связи с чем коммунистическая партия стремилась исключить любые проявления независимости в научной среде. Коммунистическая идеология и стали-

нистское государство захватили и полностью подчинили все стороны науки и высшего образования. Это можно назвать жесткой и неотвратимой атакой на академическую свободу, которая также называлась национализацией науки и высшего образования. Коммунистическому режиму не суждено было разрушить науку и высшее образование, но многое было сделано для подчинения этих сфер идеологическим целям коммунизма. В политике Польской народной республики часто звучали отзвуки довоенных идей (разрушенных авторитарным правительством в 1930-е гг.), но чаще всего под видом этих великих идей и концепций скрывался новый идеологический смысл. Самым лучшим примером может послужить термин «демократия», который использовался для обозначения темной, жесткой тоталитарной политической системы в Польше — так называемой «народной демократии».

ПАН была основана в 1951 г. Социальный и политический контекст был весьма неблагоприятным: Академия появилась во времена самой мрачной тоталитарной политики и в исключительно идеологизированных институциональных условиях. Концепция Академии наук была предложена на Первом конгрессе польской науки (еще одна довоенная идея, которая была пересмотрена с учетом новой идеологии). Она должна была стать (по крайней мере, теоретически) последователем традиционных собраний представителей польской науки в начале XX в. Но Академия наук никогда не ставила перед собой цель стать независимой организацией и не имела автономии в рамках коммунистического режима. В 1951 г. была определена структура Академии — она состоит из двух отдельных частей: профессионального органа академической олигархии, члены которой избирались внутренним голосованием, и исследовательских институтов, объединенных под крышей ПАН. Это весьма элитарное учреждение — безусловно, выглядящее неуместным в коммунистической среде — создавалось, чтобы обеспечить представителям научного сообщества возможность выражать свое мнение в научной политике. На самом же деле ПАН была создана как удобный инструмент, с помощью которого коммунистическая партия могла бы контролировать видных ученых, а также понизить значимость университетов, которые коммунисты считали враждебными новому идеологическому режиму. ПАН стала частью новой системы, в которой исследования, инновации и образование были разделены.

Послевоенная концепция науки и высшего образования включала три сектора: во-первых, ПАН, которая должна была стать базой для фундаментальных исследований; во-вторых, исследовательские институты, созданные с целью выполнения разработок для промышленности; в-третьих, учреждения высшего образования, ответственные за подго-

товку специалистов и проведение менее значимых исследований.

Роль Академии наук была определена в учредившем ее законодательном акте, согласно которому ПАН призвана «обеспечить польской науке наилучшие возможности для полноценного развития и ведения исследований в нужном направлении, в соответствии с потребностями общества. В основе деятельности Академии лежат традиции и передовой опыт всех существовавших до нее учреждений, прежде всего Польской академии науки и искусств и Варшавских научных обществ». ПАН фактически заменила собой все независимые научные ассоциации, тем самым заглушив все голоса, требовавшие их автономии. Таким способом коммунистический режим опосредованно воплотил исконные надежды академического сообщества создать национальную академию наук. Сохранив внутреннюю автономию (формально), правительство смогло основать центральный орган управления, находящийся в прямом подчинении власти. Как отмечал П. Хубнер, «основание Польской академии наук и Министерства науки

В академическом сообществе сильны традиции и чувство ностальгии. Несмотря на исторические факты, традиция идеализируется и используется в качестве инструмента в современной политике.

и высшего образования способствовало приему на работу сотен государственных служащих, что увеличило число управленцев в сфере науки в десятки раз. Не было сомнений в том, что были наняты и неквалифицированные люди, среди которых были бывшие сотрудники рыболовецких предприятий» [Hubner, 1988a, p. 89].

Академия существовала как государственное учреждение около сорока лет. Но после ликвидации «железного занавеса» она получила значительную автономию как высший профессиональный научный орган. В 1990 г. Парламент Польши принял законодательный акт, закрепивший новый статус ПАН. Ее автономность, а также независимость университетов стали важными факторами формирования суверенного демократического государства. Наконец, идея самоуправления и ведущей роли интеллектуалов в жизни общества стала реальностью. Безусловно, это политическое решение имело важное символическое значение — оно явилось актом благодарности академическому сообществу за его участие в движении Солидарности. В треугольнике координации баланс власти в сфере науки сдвинулся в сторону академической олигархии.

Структура Академии наук

Для анализа изменений в функционировании ПАН необходимо выделить два институциональных уровня. Первый — гильдия академиков — наиболее остро реагирует на политические изменения. Второй — исследовательские институты, работающие под эгидой и руководством коллективного органа академиков.

Рассмотрим вначале верхний уровень — гильдию, или профессиональное академическое объеди-

нение. В соответствии с законом 1997 г., ПАН — национальный институт, ответственный за развитие и продвижение науки, которая должна обогатить национальную культуру. Будучи высшей профессиональной организацией, ПАН имеет следующую структуру:

- Генеральная ассамблея;
- Президиум Академии;
- Президент Академии.

Высший орган управления Академии — Генеральная ассамблея, состоящая из всех ее национальных членов. Она устанавливает и контролирует направления деятельности ПАН. Между сессиями Ассамблеи (они проводятся два раза в год) Президиум Академии наук берет на себя ответственность за решение всех стратегических вопросов. Президиум состоит из президента, трех вице-президентов, семи председателей отделений, президентов территориальных центров, а также четырнадцати дополнительных членов, избираемых Генеральной ассамблеей из числа членов Академии. Президиум контролирует работу исследовательских институтов и других учреждений Академии. Президент, который также является председателем Генеральной ассамблеи и Президиума, отвечает за текущую работу ПАН.

В Академию входят национальные (включая действительных членов и членов-корреспондентов) и иностранные члены. Членство в Академии наук пожизненное. Количество национальных членов не должно превышать 350. Все академики (национальные и иностранные) избираются Генеральной ассамблеей из числа кандидатов, имеющих высшие научные достижения и обладающих признанным авторитетом. Имена потенциальных членов выдвигаются национальными академиками, советами университетских факультетов, учеными советами научных учреждений Польши (включая институты Академии). Национальные академики выдвигают и избирают иностранных членов. Каждый академик является членом одного из семи отделений, соответствующих его или ее научной дисциплине, отвечает за свою научную работу и за реализацию уставных задач Академии в целом.

ПАН выполняет еще и функцию исследовательского центра, состоящего из 79 научных учреждений (институтов, исследовательских станций, ботанических садов и других научно-исследовательских организаций) и вспомогательных научных организаций (архивов, библиотек, музеев и зарубежных филиалов Академии наук). Исследовательская деятельность Академии наук главным образом финансируется из госбюджета через Министерство науки и высшего образования, что зачастую вызывает проблемы. Среди финансируемых исследовательских центров есть не только организации мирового уровня, проводящие значимые исследования, но также и несостоятельные в научном смысле учреждения. До недавнего времени ни государство, ни академическое сообщество не могли ничего сделать с подобными организациями. В рамках предыдущего законодательного акта (1997 г.) управленцы

в сфере науки не обладали достаточными полномочиями, чтобы реструктурировать исследовательские институты либо просто оказать на них административное или политическое давление с целью повысить эффективность их деятельности. Однако следует отметить, что исследовательские институты имеют те же недостатки и проблемы, что и другие организации в сфере науки, которая в целом сильно недофинансируется. Польша тратит около 0.64% ВВП на науку, что не только гораздо ниже, чем в Германии или Франции, но также вдвое меньше, чем в других странах Восточной Европы, например Чехии, где этот показатель составляет 1.47%. Ситуация выглядит еще хуже при анализе источников финансирования, в составе которых основное место занимают государственные средства (69.6%), а частные инвестиции — всего 30.4% [GUS, 2000, р. 66]. Структура исследований и разработок полностью противоположна той, которая сложилась в развитых странах (в частности, ЕС-15), где главную роль играет частный сектор. Усугубляет трудности то, что большая часть этих небольших средств идет в получившие высшую категорию исследовательские институты и университеты в весьма несовершенной форме блок-грантов. Такую категорию имеют 90% исследовательских организаций, что превращает процедуру категоризации в абсурд.

Цели реформ

Основные цели реформирования польской науки — рациональное использование значительного человеческого потенциала, повышение эффективности, управление качеством и совершенствование результативности исследовательской деятельности. В ходе реформ намечалось создать финансовые и институциональные механизмы, которые повысили бы конкурентоспособность всей системы. До их проведения система носила уравнилительный характер и не обеспечивала финансовых стимулов для непрерывного развития исследовательских центров. Точно так же не было предусмотрено никаких финансовых санкций для неэффективных в научном плане учреждений высшего образования или исследовательских центров, поэтому они могли продолжать работать с низкой продуктивностью без каких-либо последствий для себя. Поскольку сфера науки сильно недофинансируется, неэффективное расходование имеющихся небольших ресурсов абсолютно недопустимо. Реформа ПАН явилась частью целого комплекса мер по модернизации польской науки — «Развитие, основанное на знаниях». Этот комплекс состоит из пяти законодательных актов, способствующих достижению следующих целей:

(1) **Совершенствование процедур и институциональных основ финансирования исследований** путем создания двух независимых агентств, отвечающих за финансирование исследований в Польше. Национальный научный центр (National Centre for Science, NCN), который планируется разместить в Кракове, будет свободен от какого-либо политического влияния и давления. В нем будет использоваться признанная в мире прозрачная систе-

ма оценивания по модели Европейского научного фонда (European Science Foundation). Второе агентство — Национальный центр по науке и разработкам (National Centre for Science and Development, NCBiR) — было основано в 2007 г. для рассмотрения заявок по прикладным исследованиям, отвечающим стратегическим национальным приоритетам развития. В его задачи также входит налаживание сотрудничества между коммерческими научными организациями и частным сектором.

(2) **Модернизация структуры финансирования исследований.** К 2015 г. 50% бюджетных средств, отведенных на финансирование науки, будут распределяться между учеными или исследовательскими группами путем конкурсного отбора, который будут осуществлять Национальный научный центр и Национальный центр по науке и разработкам. Кроме того, Национальный научный центр должен будет распределять как минимум 20% своих бюджетных грантов среди ученых моложе 35 лет.

(3) **Совершенствование методов оценки эффективности научных организаций.** Для этого был основан Комитет по оценке деятельности исследовательских организаций (Committee for Research Units Evaluation, KEJN) — независимое агентство, которое обеспечит более эффективный анализ, базирующийся на экспертных оценках деятельности научных организаций. Цель создания комитета — содействовать развитию лучших учреждений и принимать меры в отношении неэффективных организаций вплоть до их закрытия. Все учреждения будут распределены по трем категориям: (а) лидирующие на национальном уровне, (б) демонстрирующие приемлемый (требующий повышения) уровень научно-исследовательской деятельности, (с) работающие неэффективно. Организации, которые попадут в третью категорию, должны будут провести реструктуризацию в течение шести месяцев, что позволит им и в дальнейшем получать финансирование в форме блок-грантов.

Процесс реформирования Академии наук

Реформирование польской науки вызывало как надежды, так и опасения. Оно стало одной из самых радикальных попыток модернизировать систему со времен падения «железного занавеса» и нацелено на решение одной из самых болезненных проблем, заключающейся в том, что польская наука не только сильно недофинансируется, но и является неконкурентоспособной. Нехватка средств объясняется тем, что блок-гранты выдаются после процедуры оценивания, которая в ее нынешнем виде со всей очевидностью неспособна выявлять лучшие и худшие по продуктивности научные организации.

Реформы затронули и исследовательские центры Академии наук. Теперь им придется доказывать, что их исследования *стоят затраченных средств*. В центре реформы — Академия как профессиональный орган. Это может прозвучать немного нелепо, так как для исследовательского сектора этот орган малозначителен и к тому же, по сравнению с дру-

гими акторами польской науки, наименее деспотичен. Однако реформа ПАН стала политически крайне болезненной по ряду причин. Главное — правильное понимание того, что реформа ведет к перераспределению баланса власти в сфере науки в ущерб академическому сообществу. Социальный и политический контекст реформ еще больше усложнил их восприятие академиками. Инициатором перемен выступила Министр науки и высшего образования профессор Барбара Кудрицка. Она очень непопулярна среди членов Академии, поскольку не только не принадлежит к их числу, но и является профессиональным политиком: до прихода в правительство Б. Кудрицка занимала пост президента частного вуза. Несмотря на столь неблагоприятное позиционирование, госпожа министр крайне привержена реформам в Академии. Возможно, реформы не были столь комплексными, как это было запланировано, но министру удалось модернизировать очень консервативные организации, которые проявляли сильное сопротивление любым преобразованиям. Пакет нормативных актов «Развитие, основанное на знаниях» включает закон, в соответствии с которым изменения в Польской академии наук решают следующие задачи:

(а) упростить структуру ПАН, в частности взаимодействие между ее коллективным органом и исследовательскими институтами;

(б) омолодить кадровый состав Академии. Были приняты меры, ограничивающие занятие лицами старше 70 лет ключевых — выборных — должностей внутри Академии;

(с) обеспечить руководство Академии властными полномочиями, оказать ему политическую поддержку и предоставить финансирование для реструктуризации академических институтов, в частности на основе их консолидации и внедрения современных методов управления;

(д) восстановить контроль над государственным капиталом (эндаументом), которым владеет Академия;

(е) создать Комитет по вопросам этики в науке, который будет решать нарастающие этические и моральные проблемы польской науки.

Одна из важнейших проблем заключалась в определении институционального положения ПАН. В рамках предыдущего закона Академия находилась в подчинении канцелярии премьер-министра, что было очень престижно и фактически выводило ее из-под контроля (например в части материального обеспечения), хотя информация о неправомерном использовании государственной собственности имела. Такая ситуация гарантировала весьма выгодное положение, ставя ПАН вне сферы влияния Министерства науки и высшего образования. Это незначительное, на первый взгляд, обстоятельство стало реальным поводом для сражения между министром и Академией: вопрос касался символической власти, престижа и контроля. Академия одержала победу в этой схватке против министра науки и высшего образования, и как профессиональное объединение формально осталась в подчинении премьер-министра.

Реформа ПАН была наиболее сложной, возможно, по той причине, что она затронула символический баланс сил в науке. Практически не было сомнений, что правительство не решится полностью ограничить власть академической олигархии. Эта реформа стала крайне болезненной, несмотря на то, что влияние ПАН на польскую науку в целом очень незначительно. Модернизация мощнейшего центра академической элиты и некоторое отстранение Академии от политических процессов должны были нарушить интересы сообщества. Фактически ПАН — последний оплот идеалистической концепции научной политики. Но, как утверждает Джон Мэйер, глобальные силы модернизации рано или поздно одержат победу над рыцарями старого режима.

Заключение: реформировать польскую науку оказалось легче, чем модернизировать Академию наук

По итогам реформы польской науки можно сделать несколько важных выводов, которые справедливы не только для польского политического и социального контекста, но и для любой другой переходной экономики в этом регионе. С 1989 г. ни одно польское правительство, кроме нынешнего, не предпринимало попыток реформирования науки и высшего

образования одновременно. Только сейчас появилась возможность объединить эти два взаимосвязанных сектора. Перейдем к выводам:

(1) Прежде всего, в академическом сообществе сильны традиции и чувство ностальгии. Несмотря

на исторические факты, традиция идеализируется и используется в качестве инструмента в современной политике.

(2) Доверие к правительству со стороны академического сообщества (точнее, академической олигархии) очень низко, что препятствует реформированию: политические шаги воспринимаются как потенциальная

угроза научному сообществу. Академики очень болезненно относятся к вопросам своей свободы, однако свобода имеет денежное выражение.

(3) Самоуправление академического сообщества рассматривается как запретная зона для правительства (прежде всего в гуманитарных и общественных дисциплинах) и должно быть сохранено любой ценой от вмешательства извне.

(4) Академическая олигархия в ПАН демонстрирует сильную коллективную солидарность в защите интересов и привилегий членов Академии.

(5) Наконец, наиболее значимый, основанный на результатах недавних реформ, вывод: гораздо легче реформировать польскую науку, чем модернизировать Польскую академию наук.

Доверие к правительству со стороны академического сообщества очень низко, что препятствует реформированию: политические шаги воспринимаются как потенциальная угроза научному сообществу. Академики очень болезненно относятся к вопросам своей свободы, однако свобода имеет денежное выражение.

Chevaillier T. (2001) French academics: between the profession and the civil service // Higher Education. № 41. P. 49–71.

Clark B. (1983) The Higher Education System. Academic Organization in Cross-National Perspective. Berkeley: University of California Press.

Clark B. (ed.) (1987) The Academic Profession: National, Interdisciplinary and Institutional Settings. Berkeley: The University of California Press.

GUS (2009) Nauka i technika w 2007 r. Warszawa: GUS.

Hughes O. (1998) Public Management and Administration. Warsaw, New York: Palgrave.

Hubner P. (1987) Upowszechniony obraz nauki – „Dyskusja o nauce” w latach 1971–1976 // Zagadnienie Naukoznawstwa. № 2. P. 165–195.

Hubner P. (1988a) Rządzić i władać. Biurokratyzacja nauki polskiej // Res Publica Nova. № 34. P. 85–90.

Hubner P. (1988b) Metody reformowania nauki polskiej — „dyskusje o nauce” w latach 1971–1976 // Zagadnienia Naukoznawstwa. № 3–4. P. 685–702.

Hubner P. (1992) Polityka naukowa w Polsce w 1944–1953 // Geneza systemu. № 1. P. 1–2. Wrocław.

Hubner P. (2000) Stalinizacja Polskiej Nauki / R. Sudziński. Oblicza polskiego stalinizmu. Włocławek: Wydawnictwo WSHE.

March J. G., Johan P. O. (2005) Instytucje. Organizacyjne podstawy polityki. Warszawa: Scholar.

Murzański S. (1993) Między kompromisem a zdradą. Intelektualiści wobec przemocy 1945–1965. Warszawa.

Newman J. (2001) Modernising Governance. London: Sage.

Niskanen W. J. (1968) The Peculiar Economics of Bureaucracy // American Economic Review. Vol. 58. № 2. P. 293–305.

Niskanen W. J. (1971) Bureaucracy and Representative Government. Chicago: Aldine Atherton.

Ustawa o Polskiej Akademii Nauk. Dziennik Ustaw. № 96, 30 kwietnia 2010.

Ustawa o Narodowym Centrum Badań i Rozwoju. Dziennik Ustaw. № 96, 30 kwietnia 2010.

Ustawa o Instytutach Badawczych. Dziennik Ustaw. № 96, 30 kwietnia 2010.

Ustawa o zasadach finansowania nauki. Dziennik Ustaw. № 96, 30 kwietnia 2010.

Watt P. (1996) Local Government Principle and Practice. London: Witherby.